

Е. Р. Нестерова

Особенности культурного взаимодействия монголов и китайцев в XIII–XIV вв.¹

В статье рассматривается взаимодействие китайской и монгольской культуры в период покорения Китая монголами и правления династии Юань. Монголы, утратив многие навыки кочевого образа жизни, позаимствовали у китайцев не только военную технику, но и в целом китайскую культуру. Вместе с тем во многом монголы сами повлияли на своих подданных.

Ключевые слова: культурное влияние, монголы, китайская цивилизация

Elena R. Nesterova

Features of the cultural interaction between the Chinese and Mongols in the XIII–XIV centuries

During the war against China and gradual occupation of its territory, the Mongols got in touch with great culture, that influenced many aspects of their life. Mongols borrowed much from Chinese people and to certain extent influenced them.

Keywords: cultural influence, Mongols, China's civilization

В конце XIII в. вся территория современного Китая вошла в состав монгольской империи Юань. В одном государстве оказались объединены народы с различным уровнем социального, политического, культурного развития. Эта разница во многом обусловила тот факт, что взаимодействие народов после завоевания приобрело несколько односторонний характер. Если вспомнить популярное сегодня выражение «диалог культур», то в этом случае никакого диалога не было и быть, скорее всего, не могло. Напротив, здесь имел место монолог китайской цивилизации. Монголы позаимствовали у китайцев очень многое – от оружия до бумажных денег и от налоговой системы до календаря. В значительной мере это обеспечило им победы на этапе завоеваний и относительную устойчивость империи в последующие годы.

Именно с дальновидными и разумными заимствованиями связывал успехи монгольского оружия специалист по военной истории М. И. Иванин, заинтересовавшийся проблемой еще в конце XIX в. Правда, он допускал, что это могло быть и делом рук сект христиан, которые во время гонений в Восточной Римской империи уходили в Аравию и Персию, а после распространения там ислама – еще дальше на восток. «Вероятно, они внесли туда начала гражданственности и образования и сообщили некоторые сведения о военном искусстве римлян и греков, а эти сведения могли быть переданы и монголам. Но еще вероятнее, что соседство образованного Китая было для монголов лучшей школой для из-

учения разных отраслей военного искусства, которое в Китае в то время было доведено до совершенства»². Уровень китайского военного дела можно оценить хотя бы по тому факту, что уже в XI в. китайцы начали использовать порох и огнестрельные орудия³.

М. И. Иванин писал: «История завоеваний монголов показывает, что правители их пользовались соседством и образованием Китая, приобретали о полезных им предметах основательные сведения, умели ценить ученых людей, а в знании военного искусства и в военной политике превзошли своих учителей»⁴. С этим трудно поспорить.

Вслед за временем походов пришло время монгольского господства над китайскими землями, эпоха династии Юань. Этот период оказался отмечен замечательными достижениями в традиционных для Китая сферах. Одна из них – театр. Увлечение театром при монголах было отмечено, в частности Марко Поло, описавшим музыкальные представления, которыми развлекали гостей на пиру у хана Хубилая⁵. В этот период театр проник во все слои общества, от ханского дворца до деревни⁶. По подсчетам исследователей, в XIII–XIV вв. в империи Юань было создано порядка 2000 пьес, из которых до нашего времени дошли с разной степенью сохранности около 700⁷. На закономерный вопрос, с чем был связан такой небывалый подъем театрального искусства, один из ведущих специалистов по драме эпохи Юань В. Ф. Сорокин предложил следующий ответ: причиной этому стала монгольская веротерпимость

и распространившийся по империи религиозный синкретизм. На смену былому господству конфуцианской идеологии пришло смешение традиционных китайских учений с исламом, несторианством, манихейством, католицизмом, вследствие чего «традиционная шкала ценностей в сфере духовной культуры Китая была в какой-то мере поколеблена»⁸, а это побуждало образованных людей для самовыражения обращаться к демократическим, не считавшимся ранее престижными литературным жанрам. Авторы пьес «либо принадлежали от рождения к низшей прослойке образованной (а потому все же привилегированной) части общества, либо были выходцами из обедневших и лишившихся былого влияния знатных семей»⁹. Одновременно с В. Ф. Сорокиным к таким же выводам пришли и западные востоковеды¹⁰.

Венцом развития театрального искусства средневекового Китая можно назвать юаньскую драму¹¹. В ней был переработан и переосмыслен сюжетный материал, накопленный за годы правления предшествовавших великих династий – Тан и Сун. Однако наряду с обращением к прошлому, в жанре нашли свое отражение и реалии современности, разумеется, в иносказательной форме, поскольку власти сурово карали за вольнодумство и критику в свой адрес¹². Литературное богатство и разнообразие мира юаньской драмы было таково, что его удалось превзойти только в XVII в. в многочисленных романах и повестях¹³.

Очень интересен процесс взаимного влияния китайского и монгольского языка. Имела место активная лексическая интерференция, причем «китайские заимствования в монгольском объясняются отсутствием в последнем необходимой терминологии... монгольские же заимствования в китайском были порождены социальным престижем языка завоевателей»¹⁴. Грамматическая интерференция выразилась в использовании в китайских предложениях монгольского порядка слов (между этими языками имеется серьезное различие – в китайском сказуемое ставится после подлежащего перед дополнением, в монгольском сказуемое ставится в самом конце)¹⁵.

Заимствовались, как правило, имена существительные, которые при этом получали грамматические признаки из заимствующего языка¹⁶. Однако в целом глубокое влияние монгольского языка на китайский наблюдается только в переводных текстах¹⁷ (чаще всего, официального характера). Монгольские заимствования в юаньской драме очень немногочисленны¹⁸. Стоит обратить внимание и на процесс обратного влияния – китайского языка на монголь-

ский. Б. Я. Владимирцов писал: «Язык монгольской феодальной аристократии, в словарном отношении, оставался чисто монгольским и не подвергся влиянию китайского языка»¹⁹. Однако И. Т. Зограф опровергает это утверждение, подчеркивая, что влияние имело место, а иначе и быть не могло, поскольку у двух языков не было «сближающего их фактора общности культуры носителей... монгольский словарь не мог отвечать потребностям возникшего контакта»²⁰, особенно в условиях заимствования китайской системы управления с четко построенной иерархией и особой терминологией.

Тот факт, что такой измененный китайский обнаруживается в официальных документах, И. Т. Зограф объясняет сознательными действиями монгольской администрации, которая, соблюдая иерархию завоевателей и подданных, стремилась тем не менее сделать свои постановления понятными китайцам²¹. Результаты языковой интерференции в официально-канцелярском китайском оказались весьма существенны. Впрочем, с падением династии Юань эта разновидность языка полностью вышла из употребления²².

Еще одним направлением, не пострадавшим от монгольского завоевания, следует назвать изящное искусство²³. «Подражая китайским императорам и желая окружать себя такой же роскошью, монголы способствовали возрождению и оживлению многих видов декоративно-прикладного искусства – фарфорового, лакового производства, ювелирного и эмальерного дела»²⁴. На этом фоне китайская интеллектуальная элита в творческой активности видела «единственно возможный способ сохранить национальные и культурные ценности», обращаясь к классическим образцам прошлого. Историки и теоретики китайской живописи выделяют для времени Юань «когорту шести великих мастеров»²⁵. При монголах некоторые формы китайской традиционной живописи (деревья, скалы, облака) проникли в персидскую миниатюру²⁶.

Из эпохи Юань до наших дней дошли имена выдающихся художников, работавших в классических жанрах пейзажа, «цветы и птицы», анималистики²⁷. Как отмечает специалист по истории китайского искусства М. Е. Кравцова, они умели найти точки соприкосновения традиционных тем с интересами правящей верхушки. Изображая столь близких и понятных кочевникам лошадей и всадников, художники добивались признания своих талантов монгольской знатью, получали высокие чины и материальное благополучие, а обращаясь за сюжетами к живописи эпохи Тан, выполняли самими на себя возло-

женную миссию сберечь культуру под властью иноземцев²⁸.

Успешно продолжало развиваться фарфоровое дело. Изготавливалась посуда из тонкого белого фарфора, в украшении которой преобладали узоры растительного содержания. Об открытии фарфоровых мастерских имеются специальные упоминания в «Юань ши»²⁹. В эпоху монгольского владычества основным центром производства фарфора стал Цзиндэчжэнь, славившийся до этого преимущественно высококачественной керамикой³⁰. Тогда же широкое распространение получили изделия из прекрасного фарфора с кобальтовой росписью³¹, рисунок на которых отличался тонкими контурными линиями и штрихами с тщательной проработкой мельчайших элементов³². Совершенствовалась технология стекольного литья³³. Считается, что при династии Юань «под непосредственным воздействием чужеземного (монгольского. – Е. Н.) декоративно-прикладного искусства» возникло в Китае изготовление перегородчатых эмалей³⁴.

Продолжалось развитие традиционной китайской медицины. Акупунктура и прижигание целебными травами широко практиковалось и приобрело новые знания, привнесенные монголами из их кочевого, полного военных опасностей быта, требовавшего простых и эффективных методов лечения. Синтез китайских и монгольских методик, выработавшийся за годы правления династии Юань, проник впоследствии и в Тибет³⁵.

Монголы усвоили кое-что из повседневного быта китайцев. Например, Марко Поло в своей книге описывал великолепные бани одного из городов, через которые он проезжал: «Бани эти самые красивые, самые лучшие и самые просторные в свете; они так просторны, что зараз тут могут мыться сто мужчин или сто женщин»³⁶. Традиция строить бани появилась в Китае при династии Сун³⁷ и была перенята впоследствии завоевателями.

Правители Юань активно пользовались бумажными деньгами, изобретенными в Китае при династии Тан (618–907)³⁸. Вот как описывал их в своей книге Марко Поло: «Заставит хан набрать коры от тутовых деревьев, листья которых едят шелковичные черви, да нежное дерево, что между корой и сердцевиной, и из этого нежного дерева приказывает изготовить папку, словно как бумагу; а когда папка готова, приказывает он из нее нарезать вот как: сначала маленькие кусочки, стоящие половину малого ливра, или малый ливр, иные ценю в полсеребряный грош, а другие в серебряный грош; есть и в два гроша, и в пять,

и в десять, и в безант, и в три и так далее до десяти безантов; и ко всем папкам приложена печать великого хана. Изготавливается по его приказу такое множество этих денег, что все богатство в свете можно ими купить. Приготовят бумажки так, как я вам описал, и по приказу великого хана распространяют их по всем областям, царствам, землям, всюду, где он властвует, и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать. Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками, за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки все могут купить и за все ими уплачивать: бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного»³⁹. Есть упоминание бумажных денег и у Гильома Рубрука – «ходячей монетой в Китае служит бумажка из хлопка, шириною и длиною в ладонь, на которой изображают линии, как на печати Мангу (Мунке. – Е. Н.)»⁴⁰. Европа в то время ничего подобного не знала.

К результатам взаимного влияния китайской и монгольской политической идеологии следует отнести идею универсализма ханской власти. Е. И. Кычанов назвал эту концепцию «общей для китайцев и их соседей, идущей в полном смысле слова из глубины веков»⁴¹. В то же время Г. Франке считал ее исключительно порождением китайской политической мысли⁴².

Монголам власть Чингис-хана представлялась пожалованной Небом. В источниках это упоминается не один раз. В «Юань-чао би-ши» одному из сподвижников Чингиса было видение, в котором бык приговаривал: «Небо с землей сговорились, нарекли Темучжину царем царства»⁴³; Чингис считает, что силу его умножает Небо и Земля⁴⁴, что на престол высокий сел он с помощью Вечного Неба⁴⁵, с его же помощью собирался он в дальнейшем преобразовать государство⁴⁶; перечисляя свои деяния, великий хан говорил: «Я пред лицом Вечной Небесной Силы направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои»⁴⁷. Лубсан Данзан в своем сочинении прямо называет Чингиса сыном Неба⁴⁸. Сун Цзычжень, китайский чиновник на службе у хана Гуюка, признавал, что Чингис-хан получил соизволение Неба на занятие трона⁴⁹.

Монголы поклонялись Великому Небу как верховному божеству, почитая наряду с этим различных духов⁵⁰ (Ц. де Бридиа пишет, что они «приносят в жертву дары солнцу, луне, воде, земле»⁵¹). Имелся культ Неба и в Китае⁵², что, в частности, нашло свое отражение в одном из самоназваний государства – 天下 (Тянься), Поднебесная.

Божественный статус верховного правителя был окончательно оформлен еще в III в. до н. э., в правление императора Цинь Ши Хуан-ди (259–210 гг. до н. э.). Именно при нем к императору впервые был применен термин «Хуан-ди» (皇帝), до этого прилагавшийся исключительно к божествам⁵³.

Согласно принципам сакральности и универсальности верховной власти, влияние императора не ограничивалось территориальными границами страны. А. С. Мартынов подобрал выдержки из документов эпохи Сун, в которых любые приграничные земли, в том числе и никогда не принадлежавшие Китаю, неизменно рассматриваются как подвластная императору территория, волнения на которой обусловлены исключительно злоумышленными слабыми варваров⁵⁴. На протяжении всей китайской истории любой народ, имевший контакты с Поднебесной, рассматривался в качестве вассала и данника⁵⁵. Кроме того, состояние империи в целом ставилось в зависимость от состояния личности императора, поскольку если император приведет в порядок «свое сердце» и наведет порядок в управлении, все проблемы решатся с легкостью⁵⁶. То есть император рассматривался в качестве личного гаранта мирового порядка⁵⁷.

Чингису тоже не были чужды представления об универсализме собственной власти. Свои обращения к иноземным государям он формулировал исключительно по вертикали (от старшего к младшему), например Хорезмшаха он называл «дорогой сын»⁵⁸. А в «Алтан Тобчи» имеется фраза, которую вполне можно отождествить с китайской идеей взаимозависимости личности императора и империи («если хан благоденствовать будет, то и государство его благоденствовать будет»⁵⁹).

Китайская концепция передачи верховной власти по воле Неба в XIII в. попала в монгольской среде на благодатную почву. В послании, обращенном к даосскому монаху Чан Чуню, Чингис заявил: «Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях и то же ем, что коровьи и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна»⁶⁰. И хотя это, скорее всего, домысел автора источника, который был китайцем, даосом и пользовался благоволением Чингис-хана, из этого отрывка следует, что

Чингис мог занять отведенную для императора нишу в народном восприятии. И он уже представлялся не захватчиком-узурпатором, а почти что правопреемником китайского престола, одобренным Небом. Согласно китайской традиции, любая династия могла утратить мандат Неба на верховную власть⁶¹, что проявлялось в поражениях на поле боя, стихийных бедствиях или иных неприятностях, после чего народ получал формальное право выступить против императора, таковым уже не являвшегося⁶².

Итак, культурное взаимодействие между монголами и китайцами шло в нескольких направлениях. С одной стороны, монголы заимствовали достижения китайской цивилизации, приспособивая их для собственных нужд, как это было с военными изобретениями или печатью бумажных денег, и это оказало большое влияние на облик империи Юань. С другой – в годы монгольского правления получили благоприятные условия для дальнейшего развития театр, живопись, декоративно-прикладное искусство, что в некотором смысле было обусловлено стремлением правящей элиты вкушать все прелести оседлой роскошной жизни. Третьим направлением было воздействие монгольского элемента на китайский. Будучи весьма незначительным по сравнению с первыми двумя, оно тем не менее так же имело место, в особенности в языке документооборота и организации управления.

Примечания

¹ Исследование подготовлено в рамках работы по проекту «Причерноморье и Средиземноморский мир в системе отношений Руси, Востока и Запада в Средние века», поддержанному Российским научным фондом (соглашение № 14–28–00213 от 15 августа 2014 г. между Российским научным фондом и МГУ им. М. В. Ломоносова).

² Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875. С. 9.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Книга Марко Поло / пер. И. П. Минаева, вступ. ст. И. Магидовича. Алма-Аты, 1990. С. 101.

⁶ Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV вв. М., 1979. С. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 5.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ West S. Mongol influence on the development of Northern drama // China under Mongol rule / ed. by J. Langlois. Princeton, 1981. P. 434–465.

¹¹ Сорокин В. Ф. Указ. соч. С. 44–59.

Особенности культурного взаимодействия монголов и китайцев в XIII–XIV вв.

- ¹² Там же. С. 8.
- ¹³ Там же. С. 9.
- ¹⁴ Зограф И. Т. Монгольско-китайская интерференция: язык монгол. канцелярии в Китае. М., 1984. С. 38.
- ¹⁵ Там же. С. 48.
- ¹⁶ Там же. С. 40.
- ¹⁷ Там же. С. 46.
- ¹⁸ Там же. С. 44.
- ¹⁹ Владимирцов Б. Я. Монгольский международный алфавит XIII в. // Культура и письменность Востока. М., 1931. Кн. 10. С. 37.
- ²⁰ Зограф И. Т. Указ. соч. С. 47.
- ²¹ Там же. С. 60.
- ²² Там же. С. 61.
- ²³ Подробнее об этих процессах см.: Неглинская М. А. О стилевых тенденциях в архитектуре, изобразительном искусстве и ремесле эпох Юань и Мин // Общество и государство в Китае: материалы 42-й науч. конф. М., 2012. С. 395–434; Кравцова М. Е. История искусства Китая. М., 2004. С. 620–628; Кучера С. Проблема преемственности культурной традиции при династии Юань // Роль традиций в истории и культуре Китая / отв. ред. Л. С. Васильев. М., 1972. С. 291–292.
- ²⁴ Кравцова М. Е. Указ. соч. С. 287–289.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Franke H. China under Mongol rule. Aldershot, 1994. P. 68.
- ²⁷ Кравцова М. Е. Указ. соч. С. 623–626.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 705–706.
- ³⁰ Там же. С. 709.
- ³¹ Кобальтовая роспись характерна тем, что рисунок наносится под глазурь до основного обжига, а при изготовлении красок используют кобальт как очень тугоплавкий материал, почти не меняющий цвет в процессе обжига. Техника была заимствована с Ближнего Востока и, судя по археологическим данным, стала известна в Китае еще в эпоху Тан (618–907), однако широкого распространения не получила.
- ³² Кравцова М. Е. Указ. соч. С. 710.
- ³³ Там же. С. 782.
- ³⁴ Там же. С. 819.
- ³⁵ Lane G. Daily life in the Mongol Empire. Westport: Greenwood Publ. Group, 2006. P. 138–139; Еремеев В. Е. Цзинь-юаньская реформа в традиционной китайской медицине // Общество и государство в Китае: материалы 41-й науч. конф. М., 2011. С. 145–149.
- ³⁶ Книга Марко Поло. С. 148.
- ³⁷ Никифоров В. Н. Очерки истории Китая. М., 2002. С. 215.
- ³⁸ Очерки истории Китая от древности до опиумных войн / отв. ред. Шан Юэ. М., 1959. С. 291.
- ³⁹ Книга Марко Поло. С. 108–109.
- ⁴⁰ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука / вступ. ст., примеч. Н. П. Шастиной; пер. А. И. Малеина. М., 1957. С. 155.
- ⁴¹ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 207.
- ⁴² Franke H. From tribal chieftain to Universal Emperor and God: the legitimation of the Yuan Dynasty. München, 1978. P. 18.
- ⁴³ Сокровенное сказание монголов: монгол. хроника 1240 г. / введ., пер., слов. С. А. Козина. Л., 1941. Т. 1. С. 107.
- ⁴⁴ Там же. С. 111.
- ⁴⁵ Там же. С. 141.
- ⁴⁶ Там же. С. 159.
- ⁴⁷ Там же. С. 168.
- ⁴⁸ Алтан Тобчи (Золотое сказание) / пер., введ., коммент., прил. Н. П. Шастиной // Памятники письменности Востока. М., 1973. Вып. 10. С. 100.
- ⁴⁹ Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965. С. 68.
- ⁵⁰ О религиозных воззрениях монголов см.: Lane G. Op. cit. P. 181–205.
- ⁵¹ «История Татар» Ц. де Бридиа // Христианский мир и Великая Монгольская империя: материалы францисканской миссии 1245 г. М., 2002. С. 117.
- ⁵² Духовная культура Китая: мифология, религия. М., 2007. С. 95.
- ⁵³ Там же. С. 97.
- ⁵⁴ Мартынов А. С. К характеристике внешнеполитической доктрины Китая в X–XII в. // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение: материалы конф. М., 1979. Ч. 1. С. 109–111.
- ⁵⁵ См., например: Думан Л. И. Традиции во внешней политике Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая / отв. ред. Л. С. Васильев. М., 1972. С. 199–213.
- ⁵⁶ Мартынов А. С. Указ. соч. С. 115.
- ⁵⁷ Духовная культура Китая. С. 97.
- ⁵⁸ Рашид-ад-дин: сб. летописей / пер. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. С. 188.
- ⁵⁹ Алтан Тобчи. С. 191.
- ⁶⁰ Труды Русской духовной миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. Приложение. С. 370.
- ⁶¹ Духовная культура Китая. С. 94.
- ⁶² Там же. С. 191.